

"ПЕДАГОГИКА ИСКУССТВА"

№1 2009 год

классическое наследие

Демин Вадим Петрович, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент РАО, зав. отделом дополнительного образования Института художественного образования РАО.
e-mail: ihoraodirect@mail.ru

Лев Толстой как зеркало русской педагогики

В проекте своего завещания еще на 67-м году жизни, Толстой записал: «Еще и главное прошу всех близких и дальних не хвалить меня (я знаю, что это будут делать, потому что делали и при жизни самым нехорошим образом), а если уж хотят заниматься моими писаниями, то вникнуть в те места из них, в которых, я знаю, говорила через меня божья сила, и воспользоваться ими для своей жизни. У меня были времена, когда я чувствовал, что становился проводником воли божьей. Часто я был так нечист, так исполнен страстями личными, что свет этой истины затемнялся моей темнотой, но все-таки иногда эта истина проходила через меня, и это были счастливейшие минуты моей жизни. Дай бог, чтобы прохождение их через меня не осквернило этих истин, чтобы люди, несмотря на этот мелкий, нечистый характер, который они получили от меня, могли бы питаться ими. В этом только значение моих писаний. И потому меня можно только бранить за них, а никак не хвалить».

Претенциозное название моего доклада связано не только с высокой, подчас жестокой требовательностью великого писателя к себе, но и с тем, что для него не менее важным, чем художественное творчество, было просветительство. Помимо литературы он увлеченно занимался с крестьянскими детьми в школе, изучал проблемы народного образования и открывал школы, создавал учебники, издавал педагогический журнал, руководил педагогическим издательством, пытался организовать «общество народного образования», курсы по подготовке учителей для начальных школ, называя их «университетом в лаптях». (Ни общество, ни курсы создать ему не разрешили, яснополянскую школу подвергли жандармскому налету, и это далеко не всё, чем пыталось государство «повлиять» на Толстого.) Стремление Толстого вселить в души человеческие веру в победу света над тьмой, звездного неба над бурями, правды и справедливости над заблуждениями и страстями подвигло его и на художественную и на педагогическую стезю, ибо он свято верил, что образование есть лучшее средство сохранить и передать все то духовное наследство, которое оставили предки. « Литература — искусство, педагогика и семья» — так он сформулировал свой жизненный выбор .

Поэтому, наверное, одним из важнейших его педагогических трудов, над которым Толстой упорно работал более 20 лет, стал двухтомник «Круг чтения», заверченный в 1904 году.

«Мысли, собранные здесь, взяты мною, — писал он в предисловии к книге, — из очень большого количества сочинений и сборников мыслей, список которых приложен в конце книги.

Мысли без подписи или взяты мною из сборников, в которых не отмечены их авторы, или принадлежат мне. (Замечу, что в книге более 700 изречений и мыслей принадлежат самому Льву Николаевичу.)

«... цель моей книги состоит не в том, чтобы дать точные словесные переводы писателей, а в том, чтобы воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разных писателей дать большому числу читателей ежедневный круг чтения, возбуждающего лучшие мысли и чувства » (подчеркнул сам Толстой).

По замыслу Толстого сборник должен был содержать «главные», как он писал отделы: «Бог, Разум, Закон, Любовь. Все в себе, Божественная природа человека, Вера, Лжеучения, Соблазны, Устройство жизни (государственное), Слово — суждение, сострадание (к животным),

Самоотречение, Бессмертие, Благо, Доброта, Единение (людей между собой и Богом), Молитва, Насилие, Приближение царства Божия, Равенство, Свобода, Совершенствование, Труд и еще другие».

Книга начинается мыслью Толстого: «Ни в чем так, как в знании, не важно предпочтение небольшого хорошего большому количеству не только дурного, но даже посредственного».

«Круг чтения» — «избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении». Так озаглавил книгу сам Лев Николаевич, призывая читателя к работе над собой, к неустанному самосовершенствованию, ибо как говорил он, завершая книгу: «Чем больше будут верить люди в то, что они могут быть приведены чем-то внешним, действующим само собой, помимо их воли, к изменению и улучшению своей жизни, тем труднее совершится это изменение и улучшение».

Поучительно отношение Л. Н. Толстого к жизни человека (цитируется по репринтному изданию: Круг чтения: В 2 т. СФК, 1991), к тому, как начинается и развивается он. В острой и полемической книге «Что же нам делать?», впервые изданной через 20 лет после написания, полностью опубликованной еще при советской власти, Лев Николаевич, размышляя о несчастье современной ему жизни, спасение ее видит в высокой духовной нравственности женщины. Он говорил: «Вы, женщины и матери, сознательно подчиняющиеся закону бога, вы одни знаете в нашем несчастном, изуродованном, потерявшем образ человеческий кругу, вы одни знаете те восторги и радости, захватывающие все существо, то блаженство, которое предназначено человеку, не отступающему от закона бога. Вы знаете счастье в любви к мужу — счастье не кончающееся, не обрывающееся, как все другие, а составляющее начало нового счастья — любви к ребенку. Вы одни, когда вы просты и покорны воле бога, ... знаете, тот истинный, богом положенный людям труд и знаете истинные награды за него, то блаженство, которое он дает. Вы знаете это, когда после радостей любви вы с волнением, страхом и надеждой ждете этого мучительного состояния беременности, которое сделает вас больными на девять месяцев, приведет на край смерти и к невыносимым страданиям и болям; вы знаете условия истинного труда, когда вы с радостью ждете приближения и усиления страшных мучений, после которых наступает вам одним известное блаженство. Вы знаете это тогда, когда тотчас же после этих мук, без отдыха, без перерыва вы беретесь за другой ряд трудов и страданий — кормление, при котором вы сразу отказываетесь и покоряете своему чувству самую большую человеческую потребность сна, которая, по пословице милей отца и матери, и месяцы, годы не спите напролет целые ночи, а с затекшими руками одиноко ходите, качаете разрывающего вам сердце больного ребенка. И когда вы делаете все это, никем не одобряемые, никому не видимые, ни от кого не ожидающие за это похвалы или награды, когда вы делаете это не как подвиг, а как работник евангельской притчи, пришедший с поля, что вы сделали только то, что должны, тогда вы знаете, что фальшивый парадный труд для славы людской, и что настоящий — исполнение воли бога, которой указание вы чувствуете в своем сердце. Вы знаете, что если вы настоящая мать, что мало того, что никто не видел вашего труда, но хвалил вас за него, а только находил, что это так и нужно, но что и те, для которых вы трудились, не только не благодарят, но часто мучают, укоряют вас. И с следующим ребенком вы делаете то же: опять страдаете, опять несете невидимый, сложный труд и опять не ждете ни от кого награды и чувствуете все то же удовлетворение.

... А когда вы такая — и такие еще есть, к счастью людей — то тот же закон исполнения воли бога, которым вы руководствуетесь в своей жизни, вы приложите и к жизни вашего мужа, и ваших детей, и близких вам.

... Только мать может перед смертью спокойно сказать тому, кто послал ее в этот мир, и тому, кому она служила рождением и воспитанием любимых больше себя детей, только она могла спокойно сказать, сослужив ему положенную ей службу: «Ныне отпускаеши раба твоего». А это и есть то высшее совершенство, к которому, как к высшему благу стремятся люди.

... Да, женщины-матери, в ваших руках, больше чем в чьих-нибудь других, спасение мира!» (Л. Н. Толстой. Собр. соч.: В 22 т. Т. 16. С. 392—396).

(Не в том ли кроется загадка, почему учительский труд по природе своей – женский? – В. Д.).

Символично, что первым художественным произведением Толстого стала повесть «Детство». «Когда я писал «Детство», — скажет он позднее, — то мне казалось, что до меня никто еще так не почувствовал и не изобразил всю прелесть и поэзию детства».

Л. Н. рассматривал «Детство» как первую часть большого четырехтомного романа про «Четыре эпохи развития» (выражение Толстого) — детство, отрочество, юность и молодость. По мысли писателя, в детстве — теплота и верность чувств; в отрочестве скептицизм, сладострастие, неопытность, и начало тщеславия — гордость; в юности красота чувств, развитие тщеславия занимает самолюбие, знание своей цены и назначения, многосторонность, откровенность.

Главную идею всего произведения он сформулировал так: «Чувство любви к богу и ближним сильно в детстве; в отрочестве чувства эти заглушаются сладострастием, самонадеянностью, тщеславием; в юности гордостью и склонностью к умствованиям; в молодости — опыт житейский возрождает эти чувства».

Жаль, что четвертая часть не была написана, роман стал трилогией движения человека от ясности детства к смятению отрочества, а от него к юности — симфонии дружбы.

В дружбе Л. Н. Толстой видел выход из одиноких и беспомощных исканий, понимал её как духовную деятельность, имеющую гуманную цель, как общение, в котором создается малейшая ячейка общества, основанная на доверии, взаимной щедрости, готовности помогать друг другу. В русской литературе это было ново (это не «дружба» Онегина и Ленского, Печорина и Максима Максимовича).

Трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» положила начало не только творческим, но и педагогическим исканиям Толстого.

Высокий нравственный полет Л. Н. Толстого, забота о душе человека, продиктует ему создание таких произведений, которые в соединении с его художественной одаренностью станут высококлассными учебниками жизни. И секрет в этом, по-моему, также и педагогический. Вот посудите сами. В упомянутой мной книге «Что же нам делать?» Л. Н. Толстой формулирует требования к человеку — мыслителю и художнику:

«Деятельность научная и художественная в её настоящем смысле только тогда плодотворна, когда она не знает прав, а знает одни обязанности. Только потому, что она всегда такова, что её свойство быть таковой, и ценит человечество так высоко эту деятельность. Если люди действительно призваны к служению другим духовной работой, то они в этой работе будут видеть только обязанность и с трудом, лишениями и самоотвержением будут исполнять её».

Мыслитель и художник никогда не будут спокойно сидеть на олимпийских восторгах, как мы привыкли воображать; мыслитель и художник должен страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение. Кроме того, он страдает еще и потому, что он всегда, вечно в тревоге и волнении: он мог решить и сказать то, что дало бы благо людям, избавило бы их от страдания, дало бы утешение, а он не так сказал, а завтра, может, будет поздно — он умрет. И потому страдание, и самоотвержение всегда будет делом мыслителя и художника.

Не тот будет мыслителем и художником, кто воспитывается в заведении, где будто бы делают ученого и художника (..), и получит диплом и обеспечение, а тот, кто и рад бы не мыслить, и не выражать того, что заложено ему в душу, но не может не делать того, к чему влекут его две непреодолимые силы: внутренняя потребность и требования людей.

Гладких, жирующих и самодовольных мыслителей и художников не бывает. Духовная деятельность и выражение её, действительно нужные для других, есть самое тяжелое призвание человека — крест, как сказано в Евангелие. И единственный, несомненный признак присутствия призвания есть самоотвержение, есть жертва собой для проявления вложенной в человека на пользу другим людям силы. Без мук не рождается и духовный плод.

Учить тому, сколько козявок на свете, и рассматривают пятна на солнце, писать романы и прозу — можно не страдая; но учить людей их благу, которое все только в отвержении от себя и служении

другим, и выражать сильно это учение нельзя без отречения» (Л. Н. Толстой. Собр. соч.: В 22 т. Т. 16. С. 337—358).

Свое во многом не схожее с общепринятым, имел Л. Н. Толстой понимание, что такое школа, образование, воспитание, обучение, педагогическая теория и практика.

«Школа есть одна из тех органических частей государства, которая не может быть рассматриваема и оценена отдельно, ибо достоинство её состоит только в большей или меньшей ответственности её социальным частям государства. Школа хороша только тогда, когда она создала те основные законы, которыми живет народ» — пишет он в статье «Об образовании».

«Образование в самом общем смысле, обнимающее и воспитание по нашему убеждению, есть деятельность человека, которая имеет основанием потребность к равенству и неизменный закон движения вперед образования.

... Деятельность образующего, как и образующегося, имеет одну и ту же цель. Задача науки образования есть только изучение условий совпадения этих двух стремлений к одной общей цели, указание на те условия, которые препятствуют этому совпадению. Наука образования становится для нас вследствие того, с одной стороны, более легкой, не представляя более вопросов, какова есть намеченная цель образования, к чему мы должны готовить молодое поколение? и т. д.; с другой стороны, неизмеримо труднейшей. Нам необходимо учесть все те условия, которые способствовали совпадению стремлений образующего и образующегося; нам нужно определить, что такое есть та свобода, отсутствие которой препятствует совпадению обоих стремлений и которая одна служит для нас критерием всей науки образования; нам нужно шаг за шагом, из бесчисленного количества фактов подвигаться к разрешению вопросов науки образования» (там же, с. 19, 27—28).

Пolemически рассуждая о народном образовании в современной ему России, Л. Н. с позиции начала XXI века может и не беспорочен в своих размышлениях, особенно когда «достается» от него той официальной доктрине образования, которая утвердилась в сложное время конца XIX века. Но тем интереснее аргументы великого мыслителя. Вот некоторые из них статьи «Воспитание и образование», например:

«Так называемая наука педагогика занимается только воспитанием и смотрит на образующегося человека, как на существо, совершенно подчиненное воспитателю. Только через его посредство образующийся получает образовательные и воспитательные впечатления, будут ли эти впечатления — книги, рассказы, требования запоминания, художественные или телесные упражнения. Весь внешний мир допускается к воздействию на ученика только настолько, насколько воспитатель находит это удобным. Воспитатель старается окружить своего питомца непроницаемой стеной от влияний мира и только сквозь свою научную школьно-воспитательную воронку, пропускает то, что считает полезным.

... Влияние жизни не признается. Так смотрит наука педагогика, потому что признает за собой право знать, что нужно для образования наилучшего человека, и считает возможным укрывать от воспитанника всякое внесоспитательное влияние; так поступает и практика воспитания.

Наверное, можно поспорить с Л. Н. Толстым о том, что «Воспитание не есть предмет педагогики, но одно из явлений, на которые педагогика не может не обращать внимания; предметом, же педагогики должно и могло быть только образование».

Но что бесспорно в его суждениях, это то, что: «Образование в широком смысле, по нашему убеждению, составляет совокупность всех тех явлений, которые развивают человека, дают ему более обширное мирозерцание, дают ему новые сведения. Детские игры, страдания, наказания родителей, книги, работы, учение насильственное и свободное, искусства, науки, жизнь — всё образует (подч. мною — В. Д.)».

«Преподавание и учение есть средства образования, когда они свободны, и средства воспитания, когда учение насильственно и когда преподаются только те предметы, которые воспитатель считает нужными».

«Воспитание — фр. Education , англ. — Education , нем. — Erziehung — понятие, существующие в Европе, образование же есть понятие, которое, существующее только в России и отчасти в Германии, где имеется почти соответствующее слово Bildung . Civilisation есть просвещение, unstruction есть понятие европейское, непереуведенное по-русски, означающее богатство школьных научных сведений или передачу их, но не есть образование, включающее в себя и научные знания, и искусства, и физическое развитие». И совершенно не приемлемо для Л. Н., что современное ему: «Воспитание есть стремление одного человека сделать другого таким, как он сам» (там же, т. 16, с. 33—34).

Отсюда и толстовское, в чем-то парадоксальное понимание образования: «Под словом школа я разумею не дом, в котором учатся, не учителей, не учеников, не известное направленное обучения, но под словом школа я разумею, в самом общем смысле, сознательную деятельность образовывающего на образовывающихся (подч. самим Л. Н.), т.е. одну часть образования, все равно как бы ни выражалась эта деятельность: учение артикулу рекрутов есть школа, чтение публичных лекций — школа, чтение курса в магометанском училище- школа, собрание музеума и открытие его для желающих — также школа».

«...школа должна иметь общую цель — передачу сведений, знания, не пытаюсь переходить в нравственную область убеждений, верований и характера; цель её должна быть одна — наука, а не результаты её влияния на человеческую личность. Школа не должна пытаться предвидеть последствий, производимых наукой, а передавая ее, должна представлять полную свободу её применения.

...Я не верую в возможность теоретически придуманного гармоничного свода наук, но верую в то, что каждая наука, при свободном ее преподавании, гармонически укладывается в свод знаний каждого человека. Скажут, может быть, что при такой случайности программы могут войти в курс бесполезные, даже вредные науки, и что многие науки невозможно будет преподавать, потому что ученики недостаточно для них подготовлены. На это отвечу, во-первых, что вредных и бесполезных наук нет для кого бы ни было, и что есть здравый смысл и потребность учеников, которые при свободе учения не допустят бесполезные или вредные науки, если бы такие были; во-вторых, что подготовленные ученики нужны для дурного учителя, для хорошего же легче начать алгебру или геометрию с учеником, не знающим арифметики, чем с учеником, плохо знающим её, легче учить среднюю историю ученика, не учившим наизусть древней. Я не верю, чтобы профессор, читающий в университете дифференциалы или интегралы или историю русского гражданского права, и который не может читать арифметику или русскую историю в первоначальной школе, я не верю, чтобы он был хороший профессор.

... Нельзя запретить человеку, любящему и читающему историю, передать своим ученикам то историческое воззрение, которое он имеет, которое он считает полезным, необходимым для развития человека, передать тот метод, который учитель считает лучшим при изучении математики или естественных наук; напротив, это предвидение воспитательной цели поощряет учителя. Но дело в том, что воспитательный элемент науки не может передаваться насильственно.

... Говорят, наука носит в себе воспитательный элемент, это справедливо и несправедливо, и в этом положении лежит основная ошибка существующего парадоксального взгляда на воспитание. Наука есть наука и ничего не носит в себе. Воспитательный же элемент лежит в преподавании наук, и в любви учителя к своей науке и в любовной передаче её; в отношении учителя к ученику. Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай её, и ученики полюбят и тебя, и науку, и ты воспитаешь их; но ежели ты сам не любишь её, то, сколько бы ты, ни заставлял учить, наука не произведет воспитательного влияния (там же, т. 16, с. 61,63 — 64) (подчеркнул сам Л. Н. Толстой).

Примечательно, что принципы отечественной педагогики, основанные на любви к ребенку, уважении к человеку, союзе учителя и ученика, жертвенности и преданности народу, были не только сутью художественной и мыслительной деятельности Л. Н. Толстого, но и программой по жизни.

Как завет на века звучат его слова: «Искусство, чтобы быть уважаемым, должно производить доброе. А чтобы знать доброе, надо иметь мирозозерцание, веру. Доброе есть признак истинного искусства. Признак искусства вообще — новое, ясное и искреннее. Признак истинного искусства — новое, ясное и искреннее доброе» (подч. мною — В. Д.).

Ощущение жизни как творчества позволило Толстому навсегда сохранить твердое убеждение в том, что жизнь и есть первоначало искусства.

«Нет равного по силе воздействия и по подчинению людей к одному и тому же настроению, как дело жизни. И, под конец, целая жизнь человеческая. Если бы столько людей понимали все значение и всю силу художественного произведения своей жизни! ... Если бы они так же заботливо лелеяли её, прилагали все силы на то, чтобы не испортить его чем-нибудь и произвели его во всей возможной красоте. А то мы имеем отражение жизни, а самой жизнью пренебрегаем!

А хотим ли мы или не хотим, она есть художественное произведение, потому что действует на других людей, созерцается ими» — пишет Л. Н. Толстой в своем дневнике.

Не случайно, Л. Н. Толстой полагал, что задача пишущего человека одна: сообщить другим людям свои те мысли, верования, которые сделали его жизнь радостною.

Великий нравственный завет оставил нам Л.Н. Толстой — живи так, чтобы и жизнь твоя была поучительной и примерной. Прожить так, чтобы на тебя равнялись ученики, не в этом ли самая суть педагогики.

В дни своего восьмидесятилетия Л. Толстой запишет:

«Какая ни с чем ни сравниваемая радость — и я испытывал её — любить всех, все, чувствовать в себе эту любовь или, вернее чувствовать себя этой любовью. Как уничтожается все, что мы по извращенности своей считаем злом, как все, все — становятся близки, свои... Да, великая радость. И тот, кто испытал её, не сравнит её ни с какой другой, не захочет никакой другой, и не пожалеет ничего, сделает все, что может, чтобы получить её. А для того, чтобы получить её, нужно одно небольшое, но трудное в нашем извращенном мире, — одно: отучить себя от ненависти, презрения, неуважения, равнодушия ко всякому человеку. А это можно. Я сделал в этом отношении так мало, а уже как будто вперед получил незаслуженную награду.

С особенной силой чувствую сейчас — или, чувствовал сейчас на гулянье великую радость — любви ко всем. Ах, как бы удержать её или хоть изредка испытывать её. И довольно» (там же, т. 22, с. 279).

... 3 ноября 1910 г. на станции Астапово он сделал последнюю запись в своем дневнике: написал по-французски: «Делай, что должно, пусть будет...». И добавил по-русски: «И все это на благо другим, и главное мне...»

Через три дня Л. Н. Толстой скончался. Уходя в вечность, он по-прежнему заботился о благе других как о своем благе...